

ПОЛИНА МЕЛЬНИК

ДЕМОНЫ АННЫ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Мельник, Полина.

М48 Демоны Анны / Полина Мельник. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 480 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-093443-0

Если бы еще полгода назад мне рассказали о другом измерении или же о демонах, что живут среди нас, скрываясь под масками обычных людей, я бы ни за что не поверила. Я бы сказала: «Вы – сумасшедший». Да признаться, поначалу я и сама решила, что схожу с ума. Но, попав в Академию, где учат охотников на демонов, я стала менее категорична. Руноведение, тактика поведения, основы экзорцизма, искусство боя? Да, есть такие предметы. Конечно, простой девушке, выросшей вдали от второго измерения и всех его тайн, непросто в этом разобраться, к тому же все осложняется неожиданными чувствами. И хотя вопросов становится все больше, я стараюсь понять – так ли однозначно делится этот мир на хороших и плохих?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельник П., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093443-0

Говоря честно, я никогда ни во что не верила. Еще с детства научилась ставить под вопрос то, что говорили взрослые, и проверять все самостоятельно. Наверное, поэтому заработала за девятнадцать лет своей жизни разнообразнейшими способами восемь шрамов, два перелома и катастрофическую неуверенность в счастливом «завтра». Где-то в пять лет я разочаровалась в Санта-Клаусе, в зубную фею перестала верить с выпадением первого зуба, хотя мои родители старались сделать все по правилам. Будучи во втором классе, чтобы не расстраивать маму, которая любила Рождество, я даже научилась подыгрывать ей и делала вид, что с нетерпением жду прихода волшебного старика. Подрастая, я так же не нашла волшебного мужика на небе и с того момента всегда предпочитала отмалчиваться при вопросах набожной тетушки и окружающих о церкви.

Но однажды в моей жизни кое-что изменилось. История, которую я расскажу, может показаться невероятной, но... Хотя обо всем по порядку.

Глава 1

АННА-АГНИЯ ДОНАВАН

Мое полное имя — Анна-Агния Донаван. Родителям показалось забавным назвать меня в честь обеих бабушек одновременно, и они с гордостью все детство представляли меня полным именем перед всеми своими (и моими, к сожалению) знакомыми, чем подвергали потоку шуток и прозвищ от сверстников. Может, именно из-за издевок и прозвищ типа «А-а Донаван» я и не оценила радужной задумки родителей. Так или иначе, но это длинное странное имя я никогда не любила, потому еще с детства представлялась просто — Анна, а когда мы переехали из России в США, на иностранный манер — Энн. Пожалуй, в Америке из всех знакомых и друзей мое полное имя знали всего несколько человек: родители, бабушка, тетя Бетти, жившая далеко в Грэнвилле, и подруга детства, моя дорогая Элен.

С Элен мы познакомились в школе, сразу после моего переезда из Москвы на восток штата Монтана. Маме и папе тогда предложили очень выгодный контракт с крупной адвокатской конторой, и мне ничего не оставалось, как повиноваться. Мне тогда было одиннадцать, и переезд в другую страну я переживала очень тяжело, не говоря уже об общеобразовательной школе в две с половиной тысячи человек, в которую попала из небольшой элитной московской гимназии. Я плохо зна-

ла язык и потому медлила с ответами, а потом от волнения заикалась и путалась еще больше, из-за чего многие сверстники довольно долгое время искренно считали меня умственно отсталой. Стоит упомянуть и о прыщах, которые густо усыпали мое лицо как раз в том возрасте, отбивая все шансы влиться в общество и успешно социализироваться в новой школе. Неудивительно, что со мной никто особенно не спешил общаться: странная прыщавая заика из России, по мнению одноклассников — из какой-то дикой глуши, где никто не знает даже про холодильник, а никак не из красивого современного города.

Но мне повезло — по соседству жила Элен, красивая и бойкая девчушка, которая была президентом шахматного клуба и пользовалась популярностью в школе. Она меня заметила, хоть была старше на три года, первая заговорила со мной, и вскоре мы стали лучшими подругами. После знакомства с Элен жизнь пошла на лад, и со временем я привыкла к новой стране.

В то время моя семья жила в небольшом уютном домике на окраине Стокворда — города с почти пятидесятитысячным населением. Этот этап жизни я считаю одним из самых лучших — счастливый брак родителей, безоблачное будущее и верная подруга рядом.

Мне кажется, на момент знакомства с Элен мне было около двенадцати. И нашу дружбу не разбило ни время, ни жизненные трудности, навалившиеся на нас обеих.

Сейчас мне девятнадцать, и вот уже пять лет я живу без родителей. Они развелись и абсолютно не общаются друг с другом. Красивая история любви, начавшаяся с того, что смелый русский парень заступился ценой

сломанной челюсти за девушку в американском баре, закончилась полным крахом с жуткими скандалами и обоюдной ненавистью.

Тетя Бетти, мамина двоюродная сестра, всегда говорила ей, что они с «этим русским» — а именно так она называла моего отца — не пара. Потому, когда почти пятнадцатилетний брак родителей с треском рухнул, мне казалось, что тетя была единственным человеком, который тихо радовался. Ведь теперь она с чистой совестью могла повторять свое прорицание и добавлять: «Я тебе всегда это говорила».

Скорее всего, она и впрямь оказалась права. Мать и отец — очень разные люди, и с годами это становилось все заметнее. Мать хотела большую семью, а отец вложил все силы в карьеру, разногласия росли с каждым днем, и в конце концов дело дошло до измен.

После развода родители не очень-то хотели заботиться обо мне, оба были в депрессии, а вскоре их поглотили новые романы. Да и я не горела желанием жить с кем-нибудь из них. Отец был слишком угрюм и строг, а мать наоборот — постоянно сюсюкала и забывала, что мне уже не пять лет. Потому моим опекуном по взаимному согласию назначили тетю Бетти, которая и стала жить со мной в старом родительском доме. Ей приходилось постоянно мотаться из Стокворда в родной Грэнвилль, чтобы ухаживать за своим садом, пятью кошками и цветами, но с обязанностями опекуна она справлялась вполне сносно.

Тетя Бетти была пухлой старой девой строгих правил, с немодной прической и кучей странностей. Не имея собственных детей, она с радостью обрушила на

меня нерастраченный материнский инстинкт. В основном ее забота заключалась в тщательном контроле. Она следила за моей учебой, хобби, питанием, свободным временем, зубами и прической. Парни из-за строгого комендантского надзора тети не задерживались у меня больше месяца, хотя и считали симпатичной.

Я действительно недурно выгляжу: высокая, стройная, с идеальной осанкой — плодом тетиной дрессировки. Глаза светло-серые, «пепельные», как говорила мама. Тонкие темные брови, в правой — серьга-кольцо. Правда, главное достоинство — густые и длинные русые волосы — испорчены неудачной окраской, и приходится прятать их под шапкой или скручивать в тугую прическу.

Еще у меня есть колечко в пупке, штанга в языке и тату на бедре — маленький лотос. Все эти «новшества» в моей внешности появились после окончательного отъезда тети Бетти в Грэнвилль, иначе бы ее точно хватил удар. Да и мои родители были очень недовольны такими переменами. Но после моего прошлогоднего провала в юридический институт они, похоже, совсем махнули на меня рукой и только шутили по поводу пирсинга, когда я приезжала в гости.

Несмотря на бдительность тетушки, в шестнадцать лет мне удалось-таки закрутить с парнем, которого не одобрила бы ни одна нормальная мать. Тетя Бетти, конечно, тоже не одобрила, и потому я сбежала на две с половиной недели из дома, но потом с позором вернулась. Роман с Томи Дженсоном, так звали ту ходячую неприятность, закончился четким осознанием: я не хочу сидеть в тюрьме за мелкие кражи и угоны авто.

Тетя Бетти, то ли сочувствуя мне, то ли боясь испортить собственный имидж строгого опекуна, не рассказала о Томи родителям, за что я ей очень благодарна. После этого приключения я не совершала подобных выходов, и наши отношения перешли в более доброжелательное русло, без тотального контроля и подростковых скандалов. К слову, я до сих пор созваниваюсь с тетей чаще, чем с родителями. У них давно новые семьи, и, кажется, более удачные.

Мать после развода выходила замуж трижды. Последний раз — за успешного адвоката Генри Пратчета, сразу родив ему близнецов — Филиппа и Остина, жутко непослушных блондинистых непосед. Они живут на южном побережье и редко меня навещают. Отец женился на своей коллеге и охотно удочерил ее дочку от первого брака. Хотя жил он всего лишь в соседнем городе, до которого полтора часа езды на поезде, видимся мы крайне редко.

Родители не навещали меня уже два года, чему я от души радовалась, так как даже в наши редкие встречи успевала выслушать о себе очень многое и, честно говоря, редко приятное.

Когда я провалилась в институт, отец перестал меня содержать, сказав, что я должна обеспечивать себя сама, раз не желаю учиться. Мать тоже расстроилась, но деньги изредка присылала — только совсем мало.

Чтобы платить по счетам, я работала официанткой в большом ресторане, а по выходным подрабатывала нянечкой и еще успевала рисовать портреты, пейзажи и натюрморты на заказ. Вопреки мнению отца, считавше-

го, что я целыми днями мотаюсь по ночным клубам, я все свободное время посвящала Григори — двухлетнему сынишке Элен.

К сожалению, Григори рос без отца. Моей подруге приходилось много работать, чтобы прокормить себя, сына и свою полусумасшедшую бабушку Миранду. Иногда, когда у нас с Элен совпадали выходные, мы все вместе играли в покер, и тут бабуле не было равных. Но все же изредка у нас тоже появлялся шанс выиграть пару долларов, и мы могли ночь напролет играть, сидя на кухне за чашкой какао.

Этих троих я считала своей семьей.

В тот знаменательный день, а точнее вечер, все было как обычно. Я возвращалась с работы, моя смена была всего до семи, и я спешила к Григори. Решив сократить путь до автобусной остановки, пошла по мрачноватой улице, мимо старого, обанкротившегося еще лет десять назад завода пластиковой тары.

Дул холодный октябрьский ветер. Застегнув куртку и поправив шарф, я быстрым шагом пересекала улицу, засунув руки в карманы, и вдруг в разрисованной граффити стене заброшенного здания что-то блеснуло.

Я остановилась и стала вглядываться в темноту. В серой грязной стене, за горой мусора и разбитых бутылок, светилось небольшое пятно. Неяркое — оно, скорее, отражало свет фонарей и лишь слегка усиливало его. Очертания пятна были размыты, и, к моему ужасу, оно немного двигалось. Я зажмурилась, потом вновь посмотрела в стену, но пятно никуда не исчезло, по-прежнему мерцало, пугая меня все больше. Я отвернулась, ускорила шаг и едва не бегом добралась до авто-

бусной остановки, ни разу не оглянувшись и решив, что просто переутомилась на работе.

Проведя пару часов с Григори и бабулей Мирандой, которая недавно увлеклась народной медициной и битый час донимала меня пользой семян чертополоха, я дождалась Элен и, поужинав, отправилась к себе. Мой дом находился в пяти минутах ходьбы, но Элен всегда настаивала, чтобы я обязательно звонила ей, когда войду в дом и удостоверюсь, что там никого нет. Подруга страшно боялась маньяков, и я постоянно твердила ей, что пора завязывать смотреть триллеры, иначе она станет бабулей Мирандой номер два.

— Элен, это глупо! Если маньяк охотится за мной, он знает мой распорядок дня и может похитить меня в любое время! — протестовала я, натягивая ботинок.

— А кто такой маньяк? — писклявым голоском спросил Григори, цепляясь за мамину ногу.

— Это такой дядя, который забирает непослушных детей, если те убегают далеко от мамы, — ответила я, и Григори серьезно посмотрел на меня карими глазами-бусинками.

— Анна, он еще маленький! — возмутилась Элен.

— Ничего, зато сообразительный, пусть знает правду, — сказала я, и Элен вздохнула, потрепав белокурую головку малыша.

— Пока, Григори! До свидания, миссис Тетчер! — крикнула я и услышала в ответ невнятное бурчание бабули.

— Когда ты еще придешь? — деловито поинтересовался Григори.

— В пятницу, — ответила я, прикинув свой график работы.

— Это скоро?

— Да, малыш, это через три дня, — утешила Элен. — Пока. И позвони мне!

— Ох! — вздохнула я, закатывая глаза. — Пока.

Ветер стал еще холоднее, скорее всего, зима наступит раньше обычного. Я запахнула незастегнутую куртку и, обхватив себя обеими руками, поспешила домой.

Вдруг один из фонарей часто заморгал, а потом вообще погас, и передо мной на расстоянии около метра загорелось небольшое пятно размером с футбольный мяч. Я стояла как вкопанная и испуганно смотрела вперед, вспомнив жуткие истории о шаровой молнии и напроочь забыв, что нет ни дождя, ни грозы. Страшно было даже дышать, но фонарь заработал как обычно, а светящаяся сфера исчезла.

«Похоже, кому-то надо чаще отдыхать и прекратить смотреть ужасы», — подумала я, тряхнув головой.

Добравшись домой, я сразу же легла спать. Но сон был тяжелым и очень странным. Я опять шла по той улице возле заброшенного завода, мимо странной блестящей штуковины в стене, и, к своему ужасу, отметила, что со вчерашнего дня она увеличилась раза в два и светилась ярче. Сон повторялся, я вновь и вновь проходила улицу, всякий раз пару минут постояв у стены с шевелящимся и растущим пятном.

Проснувшись я абсолютно разбитой. Болела голова. Я, зевая, поплелась на кухню, включила кофемашину и отправилась в душ. Быстро умывшись, принялась красить черным карандашом глаза, стоя в ванной напро-

тив запотевшего зеркала. Провела по нему рукой, чтобы очистить, и вдруг обнаружила вместо стекла светящуюся, колеблющуюся субстанцию, которую определенно видела вчера под фонарем и сегодня во сне. От неожиданности я испуганно вскрикнула, выронила карандаш и, отскочив, ударилась головой о вешалку. Когда я вновь посмотрела на зеркало, оно выглядело обычным. Быстро схватив из раковины карандаш, я вылетела из ванны и только на кухне сумела взять себя в руки, твердо решив сегодня же записаться на прием к врачу.

На работе жуткое пятно меня не преследовало, все было как обычно, и я решила повременить с визитом к врачу и даже ничего не стала рассказывать Элен. Закончив смену, пошла домой, не сокращая путь. Проклятый заброшенный завод, который мучил меня всю ночь, видеть совсем не хотелось.

Спокойно добравшись до автобусной остановки, я посмотрела на расписание. Ждать довольно долго. Решив перекусить шоколадным батончиком, я принялась усердно рыться в рюкзаке и вдруг уколола палец. Вздвогнув, посмотрела на алую каплю крови и с ужасом вскрикнула, зацепив взглядом светящееся пятно на асфальте. Оно колыхалось в полушаге от меня и выросло еще больше. Я затрясла рукой как сумасшедшая, будто к пальцу прицепилась змея, и завизжала. Молодая парочка на остановке посмотрела на меня с удивлением.

— Просто крови боюсь, — постаралась улыбнуться я и, переведя дух, вновь взглянула на асфальт. Ничего...

От испуга проступил холодный пот на спине и задрожали колени. Наконец подошел автобус, и я быстро

запрыгнула в хорошо освещенный салон, почувствовав себя в безопасности.

Дома я долго стояла под душем, вспоминая навязчивое видение, и думала, что всерьез начинаю сходить с ума. Но все же постаралась выбросить это из головы и, накинув старый халат, принялась раскладывать краски возле своего мольберта.

Сегодня мне нужно было закончить портрет девушки, который заказали ее друзья ко дню рождения, но я даже и не начинала его, и потому предстояла бессонная ночь. Усевшись в бывшем папином кабинете, я принялась за работу, сверяясь с фотографией девушки, прикрепленной в уголке мольберта. Работа шла совсем медленно, и я решила заварить чашечку крепкого кофе.

Вернувшись с кухни, я с ужасом обнаружила, что весь лист исписан все тем же мерзким сверкающим пятном, словно я рисовала его вместо лица девушки! Выронив чашку, я подбежала к мольберту и принялась неистово срывать бумагу, а потом, стерев с лица проступивший пот, плюхнулась в кресло и взяла телефон. Набрала номер Элен, но оператор оповестил, что она недоступна. Вспомнив, что подруга сегодня на работе до четырех утра, я решила непременно рассказать ей обо всем позже.

Я скомкала испорченный лист и, взяв новый, вновь принялась за работу. Окончила портрет только к пяти часам утра. Дико уставшая, я повалилась на кровать и уснула. Но выспаться не удалось. Проклятое сверкающее пятно преследовало меня — теперь на моей работе.

От кошмара спас будильник, но я едва открыла глаза. Еле переставляя заплетающиеся ноги, поплелась на кух-